

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 13(082.1)

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-4-10

Микешина Л. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, г. Москва, 119991, Россия.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Аннотация. В статье дан обзорный анализ основных современных тенденций в эпистемологии и философии социального и гуманитарного знания; актуализируются категории истины и субъекта, научной intersubjectivity и социальной коммуникации в междисциплинарном (герменевтико-реконструктивном) контексте. Рассматриваются проблемы ценностных оснований научного познания, «интеллектуальной истории», «истории понятий» и акторно-сетевой теории научного знания и других новейших методологических направлений, их приложений в образовательном процессе. Показаны перспективные моменты интегративной общности и национальной специфики отечественной философии.

Ключевые слова: эпистемология и философия социального и гуманитарного знания; исторические науки; методология; история идей; коммуникативная рациональность; intersubjectivity; ценности; познавательные практики.

Mikeshina L. A.

MODERN TRENDS IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARITY

Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Abstract. The article presents an overview analysis of the main trends of the modern world and domestic philosophy of science and epistemology, in which the categories of knowledge, truth, and the subject of scientific intersubjectivity and social communication are re-conceptualized and historically reconstructed. The author considers the problems of the epistemological interpretation of current interparadigmatic research and value bases on scientific knowledge, as well as «intellectual history», «history of concepts» and other new methodological trends, and also the actor-network theory of scientific knowledge and its application in the educational process. Some moments of international and national specificities of Russian philosophy are shown in terms of problems and prospects of the analyzed areas.

Keywords: epistemology and philosophy of social knowledge and humanities; historical sciences; methodology; history of ideas; communicative rationality; intersubjectivity; value; cognitive practices.

Сегодня очевидно, что основные принципы и категориальный аппарат философии познания за последние десятилетия претерпели существенные изменения и требуют как критического и содержательного переосмысления, так и дальнейшего развития. Изменилось понимание традиционной роли философии и ее соотношения с наукой, которое господствовало в XX веке, а в нашей стране не преодолено в полной мере еще и сегодня. Отечественная философия науки

сегодня необходимо исследовать не только особенности развития отдельных социальных и гуманитарных наук, но понять новые тенденции в их взаимодействии друг с другом и в их эпистемологии. Сегодня особого внимания требуют категории трансцендентального субъекта и современные представления об эмпирическом субъекте, снижающие уровень абстракции, но не выходящие за рамки философии. Идут дискуссии не только о базовых категориях субъекта и

объекта, но и о самом понятии знания. Как известно, со времен Платона есть бесконечные рассуждения о знании, но нет бесспорного формально-логического его определения. Поппер просто принимал «для работы» знание как «индивидуальное состояние сознания субъекта» и знание как его эпистемологические формы – метод, теория и др. – для передачи в обществе. Видимо, речь должна идти в целом о специфике определений и создания понятий в гуманитарном знании, в том числе философском, где часто неприменимо традиционное формально-логическое определение, а если оно применяется, то утрачивает важнейшие содержательные компоненты, что выявляется, скорее, интуицией опытного исследователя. Именно в этом случае речь идет об идеации, которую надо вспомнить как «категориальное созерцание сущности» (Э. Кассирер, М. Хайдеггер), либо о типологии, как это обосновывал Г. Шпет в работе «Сознание и его собственник».

Важнейшей философской категорией сегодня становится *интерсубъективность*, особенно с выходом на первый план и активизацией междисциплинарных диалогов и синтезов, усложняющихся коммуникаций, прежде всего в самой современной науке, нарастающей свое влияние на общество. В этом контексте возникает необходимость философского видения социокультурных и цивилизационных ориентиров, обоснования единства рациональности и гуманитарных ценностей. Одна из предпосылок этого – современное понимание различных форм когнитивных практик, построение моделей их диалога, что предполагает более глубокое понимание природы и роли научных коммуникаций как особого вида *интерсубъективности* и формирования *коммуникативной рациональности*. В свою очередь это понимание стало основанием и условием осмысления новой формы *трансцендентальности* в науке: не только как уровня предельной абстракции, но и как феномена совместной деятельности научного сообщества и условия получения истинного знания.

Именно коммуникативная рациональность лежит в основе новых типов методологий, таких, например, как мультипарадигмальность в социологии (Дж. Ритцер и др.), а также создание и апробация теорий среднего уровня в контексте различных парадигм (Р. Мертон) вместо прежнего идеала всеобщей теории. Невозможность достижения этого «идеала» и, по сути, отсутствие в этом необходимости осознается сегодня как учеными, так и философами науки. В социально-гуманитарном

знании также всё более определенной становится тенденция сочетания различных когнитивных практик, их взаимодополнительность, а также «соревновательность» и взаимодействие в форме диалога и критического осмысления.

Необходимо продолжить работу с самим понятием коммуникации, различать историю его семантики и вариативность смысла, не зафиксированного однозначно в виде термина; опираться при этом можно на два центральных подхода – интеграционно-коммуникативный и медиа-коммуникативный. На первый план здесь выходят эпистемологические и конструктивистские аспекты теории коммуникаций, ее генетический аспект, средства и медиа коммуникации, которые делают возможным человеческое общение во всем его многообразии, в том числе и его когнитивные формы. Обстоятельное исследование этих проблем проведено, в частности, А.Ю. Антоновским, ведущим специалистом по данной проблематике в нашей стране, разработавшим теорию «перехода» от теории коммуникативных медиа к социальной эпистемологии и философии науки [2]. Понимание коммуникации как *интерсубъективности* и особого рода когнитивного процесса создает также возможность выхода за пределы как редукционизма, так и универсализма¹.

Очевидно, что эти исследования должны отразиться на современной эпистемологии и философии науки. Я вижу это прежде всего в том, что сегодня в целом происходит переосмысление ведущих категорий теории познания, в частности, субъекта и объекта. Следует отметить, что часто в популярных философских текстах исходят из того, что чуть ли не изначально, а не с XVII века от Декарта, в философии существовали категории субъект и объект и основанное на них учение о познании. В ряде случаев это приводит к онтологизации данных категорий, особенно в «обыденном» философском знании или в околофилософских текстах, а также в различного рода методологических пособиях за их пределами. Возникла необходимость учитывать временной контекст применения этих понятий и принимать во внимание определенное изменение содержания и характера взаимосвязи и взаимодействия субъекта и объекта в

¹ Замечу, что не только эти две базовых операции со знанием недостаточно изучены в эпистемологии социально-гуманитарного знания, но недостаточно исследуется сама природа этого типа знания.

современном познании. Иными словами, понимание этих категорий познания, в первую очередь истины и ее определений (в частности, в корреспондентской теории), а также практики, рациональности – всегда имеет *исторический*, а не абсолютный характер. Современное понимание этих категорий существенно изменилось, развиваясь вместе с культурой, наукой и самой философией. Новым стало применение понятия «неклассической эпистемологии», выявление ее «разновидностей», в частности, наряду с социальной эпистемологией как самостоятельную стали рассматривать культурно-историческую, появилось много прикладных эпистемологий, имеющих отношение к конкретным областям науки.

Сегодня различные типы эпистемологий исходят из того, что человек познающий обладает системой ценностей, представленных не только в обыденном, но и в специализированном знании, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. Соответственно в качестве форм «конкретизации» знания субъекта сегодня рассматриваются различные формы предпосылочного знания – научной картины мира, стиля научного мышления, парадигмы, методологических и мировоззренческих принципов, а также факты присутствия неявного знания и «интегральной телесности». Как проявление конструктивности и нелинейности познания, изучаются различные виды ценностей и такие формы их включения и переосмысления, как фундаментальные операции репрезентации, интерпретации, конвенции, категоризации, редукции и др. Это, в свою очередь, позволило расширить понятие трансцендентальности, выявить ее новые формы, сформулировать проблему дальнейшего развития философии познания в целом, конкретных эпистемологий как важнейших ее составляющих, в частности.

Новый этап в развитии эпистемологии существенно приблизил ее к решению проблем конкретного научного, в частности, социального и гуманитарного знания. Так, в исторической науке в XX веке появилось направление «интеллектуальной истории», во многом опирающееся на идеи и принципы современной эпистемологии. Как показывают исследования, в том числе отечественных ученых, в середине XX века одним из первых во Франции появляется новое направление – «историческая эпистемология науки». Оно разрабатывается, в частности, Ж. Кангилемом, следующим антипозитивистским традициям, хотя и признающим значимость позитивизма в истории

научной культуры и образования. Как отмечал В.П. Визгин, особое значение для Кангилема имеет теоретическая рефлексия историка науки над своими целями и задачами, предметом и методами, то есть речь идет не о навязывании эпистемологии, но о союзе с ней. Для развития непозитивистского понимания истории науки существенны и более ранние работы К. Бернара, Э. Мейерсона и А. Койре, – таким образом, антипозитивистские эпистемологические исследования истории науки создали во Франции, как представляется, благоприятную ситуацию в становлении и развитии общей исторической эпистемологии в целом [4; 1; 16]. У отечественных представителей «интеллектуальной истории», насколько можно об этом судить, сложилась определенная традиция учиться, в частности, «эвристической мысли у французских историков», что специально отмечают исследователи со ссылкой на ее начало в трудах А.Я. Гуревича. Известно, что это один из методологических моментов, позволивших ему, как отмечает З.А. Чеканцева, которая систематически и давно исследует развитие интеллектуальной истории во Франции [15; 16 и др.], «создать оригинальный российский вариант антропологически ориентированной истории».

Отечественное направление «интеллектуальной истории» существенно обогатило как проблематику, подключив богатый материал российского историковедения, так и собственно *эпистемологию истории*, разрабатываемую не только в традиционных, но и в принципиально новых разделах. Тому пример изучение дореволюционных российских научных школ в исторической науке как форм коммуникации, выявление самостоятельных эпистемологических направлений, или «поворотов», к исследованию, в частности, феномена «образа» и его функций в историческом знании, методологии «истории понятий», мемориальный, лингвистический повороты и другие [11; 5 и др.]. Материалы этих исследований публикуются, в частности, в альманахе «Диалог со временем». Как объявлено на обложке, он «посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты»² – таковы его девиз и программа, которые принципиально обозначили направление в развитии исторической эпистемологии.

² См.: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Не меньшее значение для развития эпистемологии гуманитарного и социального знания имеют возникшие в Германии (60-е гг. XX в.) «история понятий» (Р. Козеллек и др.) [17; 12], а также Кембриджская школа History of concepts, исследующая «лингвистическое устройство политического» – два самостоятельных направления социально-исторического исследования. Сегодня и российские историки с успехом осваивают исследование отечественной истории с помощью методов семантического анализа понятий. Об этом говорят многие статьи, начиная с работ А.И. Миллера, А.Н. Муравьева, В.А. Куренного и других о понятиях «народ» и «нация» в Европе и в России в журнале «Отечественные записки» (2012, № 1); позднее многие статьи стали базой монографических исследований на основе семантики понятий, либо «метода исторической социологии понятий» [10; 3; 13].

Новые проблемы и новые подходы к историческому знанию как одному из ведущих направлений гуманитарных наук предполагают необходимость нового осмысления понятия *истины*. Так, одна из наиболее зрелых и четко выраженных сегодня – позиция историка К.В. Хвостовой, опирающейся на базовые понятия современной неклассической эпистемологии и преодолевающей подходы предельно абстрактной гносеологии и наивного реализма. «Историк интересуется индивидуальными, неповторимыми фактами, поступками людей и результатами их социального поведения. <...> С одной стороны, подобные понятия и... концепции подразумевают события и факты, воспроизводимые на основе исторических источников, а с другой стороны, они отражают идеальные модели, обобщающие представления историка о типичных чертах изучаемых пространственно-временных тенденций... неформализованных исторических концепций, представляют собой как эмпирические, так и теоретические истины» [14, с. 28-29]. Сведения из источников в значительной степени «конструируются воображением историка», он их с необходимостью «домысливает», результат и значимость чего зависит от профессионализма историка. К.В. Хвостова настаивает, что «именно субъективизм исторических источников есть основа наличия субъективного компонента в структуре исторического знания. Историк, со своей стороны, также субъективно, заинтересованно относится к прошлому, интерпретирует, т.е. осмысливает прошедшее и

его ценности с позиций современности и в рамках соответствующих неформализованных исторических концепций» [14, с. 30].

Существенно также утверждение К.В. Хвостовой о том, что «историк имеет дело не с онтологией, то есть не с реальностью прошлого как таковой, а с феноменологией, исторической памятью, отраженной в исторических источниках», что происходит из-за влияния ценностей, интересов, общественно-политической ситуации в целом. Она ставит проблему возникновения «плюрализма исторической истины», что может быть объяснено, в частности, различиями культурологических позиций, полисемантической, существующих в мировых культурах и выводящих историка в проблемы «предпосылочного внеисточникового знания» – в проблемы герменевтики и интерпретации смыслов. Обсуждая определение истины, К.В. Хвостова справедливо отмечает, что «аристотелевское понимание истины как соответствие мысли предмету изучения, т.е. соответствие исторического высказывания данным источников, не следует рассматривать как всеобъемлющее. <...> Для характеристики исторической истины в целом имеют значение идеи конструирования и когерентности научной истины, распространенные в современной эпистемологии. Названные представления предполагают соответствие истины имеющемуся уровню научного знания, а также допускают плюрализм истин...» [14, с. 35].

Очевидно, что проблема истинности исторического знания требует дальнейшего исследования и обращения к позициям других ученых, и не только отечественных. Наибольший интерес представляет то, что сами историки – историографы, историки-теоретики думают об истине. Разумеется, их ответ на вопросы, что есть истина, как существует истина в познании истории, существенно разнятся в зависимости от эпохи, направления (концепции, парадигмы), специализации. Прежде всего очевидно, что, как и другие ученые естествоиспытатели или гуманитарии, историки испытали на себе влияние фундаментальных идей и критериев классической науки и гносеологии. Фундационистские принципы познания являются господствующими и по сей день в нашей стране, истина рассматривается с позиций теории соответствия знания и действительности, как объективная, независимая от субъекта познания, в диалектическом единстве абсолютной и относительной истины, проверяемой на основе практики как критерия истины.

Как своеобразная форма коммуникаций в науке, широко обсуждается за рубежом и в определенном виде представлен сегодня в ряде отечественных исследований новый «сетевой проект социальных наук» – акторно-сетевая теория научного знания Б. Латура, Дж. Ло и других [7; 9]. Не ставя задачу описать в полной мере особенности данного подхода, я лишь обозначу некоторые принципиальные наблюдения авторов концепции – моменты, в первую очередь предлагающие нетривиальное видение процесса исследования и в этом смысле значимые для современной эпистемологии и философии науки. В центре теории – «научная лаборатория», понимаемая как определенная модель-структура-организм, представляющая суть научной деятельности. Это базовый образ современной науки, вбирающий в себя не только виды и специфические методы, процессы исследования, но главное – определенные трактовки *природы самого метода и объекта исследования, его онтологии*. Некоторые соображения авторов по этому поводу могут, как мне представляется, позволить увидеть по-новому методы и объекты исследования. Уточняя понятие «социального», Латур подчеркивал, что это «не вещи среди других вещей, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными»; «социальное не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Происходит пересборка социального» [7, с. 16, 19, 23] Как представляется, такое понимание уже присутствует в эпистемологии, однако в полной мере осознание этого факта осуществлено именно в акторно-сетевой теории.

Не менее важным (и не сразу нами осознанным) является понятие «метод-сборка», которую детально объяснил с позиций «пересборки социального», в частности, принадлежащий к этому направлению Дж. Ло, по-новому рассматривающий суть научного метода. «Метод... не набор более или менее успешных процедур, сообщающих о данной реальности. Скорее, метод перформативен. Он способствует производству реальности, явленных отсутствий, Иного, уже созданных резонансов и паттернов, и метод не может всё это игнорировать. В то же время он созидателен. Метод переделывает и повторно связывает компоненты... пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [9, с. 293]. Это и получило название «метод-сборка». И далее Ло высказывает важную для понимания онтологии познания мысль: именно так понимаемый метод «предполагает, что внешнее неисчерпаемо, избыточно, активно, что оно – множество колеблющихся потенциальностей и в конечном счете абсолютно неопределенный поток»

[9, с. 296]. Итак, именно избранная или созданная метод-сборка «усиливает и ретранслирует некоторые из них, погружая другие в зону тишины». Постоянство, универсальность, присутствие или отсутствие свойств, отношений утверждаются (или опускаются) именно методом-сборкой. Реальность представлена нам так, как ее создает метод, но, возможно, он ограничен материально или на основе некоторых конвенциональных утверждений, либо способов репрезентации, господствующих методологических практик, а «множество практик создает множество реальностей». Очевидно, что в этом контексте метод, его возможности и значение понимаются существенно иначе, чем в традиционной методологии. Ло вводит понятие «онтологической методологии», но если «реальности создаются, то многие методологические очевидности социальных и естественных наук оказываются подорванными, и мы должны обсудить, что делать дальше. Забота об истине не будет и не должна быть устранена» [9, с. 317]³. По-видимому, мы должны учитывать эти новые, современные изменения в понимании феномена социальности, а также осмыслить в контексте современной эпистемологии понятие «метод-сборка», которая уже входит в тексты, написанные отечественными исследователями [см., напр.: 8].

В целом значимым и ведущим «мировым трендом» является сегодня направление «science and technology studies» (STS), куда входит и акторно-сетевая теория научного знания как система идей о современных социальных технологиях, а также весь спектр дисциплин социальных и гуманитарных наук, которым обучают учащихся. При этом исследуется и учитывается, как они взаимно формируют друг друга. В целом STS является одним из ведущих мировых трендов в философско-междисциплинарных исследованиях и программах обучения, что обстоятельно показано в известной монографии С. Сисмондо (Sismondo S.) [18]. Анализ и оценка этого направления постоянно осуществляются в последние годы, в частности, в отечественном журнале «Эпистемология и философия науки», а в 2016 году вышла монография редактора журнала, члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина «Социальная философия науки и коллективная эпистемология», где обстоятельно

³ Для нас это ново, но если сегодня обратиться к лекциям, которые читает известный отечественный социолог В.С. Вахштайн, то можно выяснить, как далеко ушли Б. Латур, Дж. Ло и их последователи.

рассматриваются эти проблемы. Отмечу некоторые из них. Принципиальна сама постановка проблемы: прежде всего, автор обнаруживает явные параллели с российской традицией философии науки и науковедения с тем лишь различием, что в них «снижается технологизм, свойственный STS». Возникает своего рода дилемма: приоритеты философского видения науки в демаркации от специально-научных подходов или натурализация СТС как взгляд «поверх дисциплинарных барьеров»? Другая дилемма: формирование мировоззрения учащихся или усвоение ими технического приложения и способов технократического управления? [6, с. 57–63].

В целом можно прийти к выводу, что сегодня отечественная философия науки, а также эпистемология, заново осмысливающая категории субъекта, интерсубъективности и роли феномена коммуникации, движутся в русле не только национальной, но и мировой традиции. Трудности и проблемы вместе с тем состоят в том, чтобы новые «тренды», идеи, методы и результаты стали как можно скорее достоянием широкого круга преподавателей и студентов, а также ученых и философов страны.

Статья написана в рамках работы, поддержанной грантом РГНФ № 16-03-00826 Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания.

Литература

1. Антонова, О.А., Чеботарева, Е.Э. Философия и история науки во Франции от О. Конта до А. Койре // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 193–206.
2. Антоновский, А.Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015. 168 с.
3. Бикбов, А.Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом ВШЭ., 2014. 432 с.
4. Визгин, В.П. Образ истории науки в трудах Жоржа Кангилема // Современные историко-научные исследования (Франция). М.: ИНИОН, 1987. С. 104–140.
5. Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. 405 с.
6. Касавин, И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016. 264 с.
7. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

8. Лепский, В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015. 107 с.

9. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. 352 с.

10. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах. Под ред. Миллера А.И., Сдвижкова Д.А., Ширле И.М. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

11. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 561 с.

12. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

13. Тимофеев, Д.В. Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116–138.

14. Хвостова, К.В. Особенности истинности и объективности в историческом знании // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 27–37.

15. Чеканцева, З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 14–27.

16. Чеканцева, З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 16–30.

17. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialien Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Stuttgart: 1972-1993. Bd. 1-8.

18. Sismondo, S. An Introduction to Science and Technology Studies. Second Edition. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2010. 244 p.

References

1. Antonova, O. A., Chebotareva, E. E. Philosophy and History of Science in France by Auguste Comte to A. Koyre. (in Russ.) *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. XXXIII. No. 3. 2012. Pp. 193-206.
2. Antonovsky, A. Yu. *Communicative Philosophy of Knowledge: from the Theory of Communication Media to the Social Philosophy of Science*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, 2015. 168 p. (in Russ.)
3. Bikbov, A. T. *Grammar of Order: Historical Sociology Concepts that are Changing our Reality*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p. (in Russ.)
4. Vizgin, V. P. The Image of the History of Science in the Works of Georges Canguilhem. *Modern historical and scientific studies (France)*. Moscow: INION, 1987. Pp. 104-140. (in Russ.)

5. *Historical Knowledge and Historiographic Situation at the Turn of XX – XXI Centuries*. Moscow: The Russian Academy of Sciences, The Institute of World History, 2012. 405 p. (in Russ.)

6. Kasavin, I. T. *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. Moscow: Ves Mir, 2016. 264 p. (in Russ.)

7. Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (in Russ.)

8. Lepsky, V. E. *The Evolution of Ideas on the Management (Methodological and Philosophical Analysis)*. Moscow: «Kogito-Tsentr», 2015. 107 p. (in Russ.)

9. Law, J. *After Method: Mess in Social Science Research*. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 2015. 352 p. (in Russ.)

10. «The Concepts of Russia»: *The Historical Semantics of the Imperial Period*. In 2 vols. Ed. Miller A., Sdvizhkov D. & Shirle I. Moscow: New Literary Review, 2012. (in Russ.)

11. Repina, L. P. *Historical Science at the Turn of XX-XXI Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*. Moscow: Krug, 2011. 561 p. (in Russ.)

12. *Glossary of Key Historical Concepts: Selected Articles in 2 Vols*. Ed. Yu. Arnautov. Moscow: New Literary Review, 2014. (in Russ.)

13. Timofeev, D. V. The Methodology of the «History of Concepts» in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia: Prospects and Principles of Application (in Russ.) *Dialogue with Time*. Iss. 50. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World History, 2015. Pp. 116–138.

14. Khvostova, K. V. The Peculiarities of Truth and Objectivity in Historical Knowledge (in Russ.) *Voprosy filosofii*. No. 7. 2012. Pp. 27-37.

15. Chekantseva, Z. A. Historical Event and Time in the Context of the «Rhythmic Paradigm» (in Russ.) *Dialogue with Time*. No. 49. 2014. Pp. 14-27.

16. Chekantseva, Z. A. Between the Sphinx and the Phoenix: a Historic Event in the Context of the French Reflexive Turn (in Russ.) *Dialogue with Time*. No. 48. 2014. Pp. 16-30.

17. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialien Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Stuttgart: 1972-1993. Bd. 1-8.

18. Sismondo, S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. Second Edition. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2010. 244 p.

ОБ АВТОРЕ:

Микешина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia. E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru